

— Как ученица, я напомним вам, учитель Шань: вы не видите своего лица, поэтому, не зная условий задачи, прошу вас не делать поспешных выводов о студентке, которая получает высший балл по чтению и пониманию текстов.

— Как составитель задач, я со всей серьезностью заявляю вам, Ань: это вы слишком уж усердствуете в своем понимании.

Ань Цзин сердито выдохнула, а Шань Можань оставался все таким же невозмутимым. От этого Ань Цзин стало еще обиднее. Она отвернулась, не желая с ним разговаривать.

Шань Можань еще раньше отложил палочки:

— Ань, ты не хочешь услышать хорошие новости?

Ань Цзин всё еще дулась, но голову всё же повернула.

— Хочешь говорить — говори, никто тебя не умолял.

— Хорошо, это я умоляю барышню Ань выслушать меня, — Шань Можань улыбнулся, и в его глазах промелькнула едва уловимая нежность.

Ань Цзин почувствовала себя неловко и промолчала.

Шань Можань вкратце рассказал, что произошло с Чжан Санем за последнее время.

Если вкратце, всё было очень печально: он возомнил, что нашел себе молодую и красивую богатую наследницу, ради некоего проекта добровольно вложил в него всё свое состояние, да еще и набрал кредитов под огромные проценты. В итоге женщина и ее так называемый старший брат исчезли, а он остался ни с чем, разоренный, преследуемый кредиторами. Каждый раз, когда его ловили, его избивали до полусмерти, а потом и вовсе продали на рудники в Африку.

Закончив рассказ, Шань Можань отпил супа. Ань Цзин замерла: она всегда считала, что просто убить человека — это и есть наказание, но, похоже, такой вариант куда лучше.

Шань Можань не стал читать ей лекций о законе — в конце концов, он пришел сюда не для того, чтобы мешать Ань Цзин убивать, а лишь для того, чтобы немного отсрочить это.

— Разве не приятнее сначала заставить их так страдать, а уже потом прикончить?

Кажется, в этом что-то есть, подумала Ань Цзин.

— Итак, завтра жду от тебя сочинение на три тысячи слов о том, что ты услышала. На английском, — мягко произнес Шань Можань и протянул руку, чтобы взъерошить ее волосы. Ему уже давно хотелось это сделать.

— Что? — Ань Цзин, погруженная в свои мысли, не расслышала и машинально переспросила. Шань Можань с ангельским терпением повторил:

— Завтра жду от тебя сочинение на три тысячи слов. На английском.

Ань Цзин натянула фальшивую улыбку, проклиная в душе этого негодяя.

Дальнейшие дни для Ань Цзин проходили легко и приятно. Под руководством Шань Можаня ее английский заметно улучшился, но еще сильнее выросло ее мастерство в интригах.

Казалось, тьма была у нее в крови с рождения, и в том, что касалось расправы над людьми, она обладала особым талантом. Теперь она могла мастерски, не выходя за рамки закона, уничтожать своих врагов, почти не оставляя следов.

Самым большим удовольствием для Ань Цзин стало тратить недели на планирование, наблюдая, как жертва, спотыкаясь, попадает в расставленные сети, бьется, мучается от бессилия, а в конце, ради выживания, вынуждена влачить жалкое, трусливое существование.

Она не собиралась оставлять этих людей в живых. Но когда она впервые, еще неуклюже, расставила сети и жертва попала, она хотела сразу убить ее. Тот мягкий, но временами жестокий мужчина остановил ее, сказав, что лучше дождаться, пока каждый из них окажется в ловушке — так будет больше времени насладиться процессом.

Она понимала, что это звучит логично, но это вовсе не было оправданием. Впрочем, кого это волнует?

Сейчас она уже наслаждалась самим процессом планирования. В ее тщательно продуманных схемах для каждой жертвы был предусмотрен свой уникальный набор мучений. Как же это прекрасно! Какая она всё-таки заботливая.

Правда, после того как очередная жертва попадалась в сети, ей часто снились кошмары. Ей по несколько раз снилось, как эти люди, измученные жизнью, кричали ей, что всё, что она делает, никак не поможет Ань Жуюй.

Просыпаясь, она лишь насмешливо фыркала.

Мало кто может не испачкаться, столкнувшись с тьмой. Ань Цзин знала, что есть такие люди, как Ань Жуюй: если бы она была жива, она всё равно смогла бы жить достойно. Ее жизнелюбие могли бы сломить, но ничто не смогло бы ее уничтожить.

Но Ань Цзин была другой — упрямой и склонной к крайностям. Как можно требовать самоочищения от того, в ком тьма жила с самого рождения?

<http://bllate.org/book/20368/2037542>